

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х37

Серия «Эксклюзивная классика»

Ernest Hemingway

FOR WHOM THE BELL TOLLS

Перевод с английского *И. Дорониной*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения Hemingway Foreign Rights Trust
и литературного агентства Fort Ross, Inc.

Хемингуэй, Эрнест.

Х37 По ком звонит колокол : [роман] / Эрнест Хемингуэй ; [пер. с англ. И.Я. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 704 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-118985-3

«По ком звонит колокол» — один из лучших романов Эрнеста Хемингуэя.

Эта книга о Гражданской войне в Испании.

Эта книга о Войне, какая она есть на самом деле — грязная, кровавая, бесчеловечная...

Эта книга о любви, мужестве, самопожертвовании, нравственном долге и выборе, ценности каждой человеческой жизни как части единого целого, ибо «никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол, он звонит и по тебе»...

В СССР роман издавался с серьезными сокращениями и искажениями из-за вмешательства идеологической цензуры и теперь публикуется в полном объеме.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1939

© Перевод, текст. И. Доронина, 2015

© Перевод, эпиграф. А. Нестеров, 2015

ISBN 978-5-17-118985-3

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Посвящается
Марте Геллхорн**

* Марта Эллис Геллхорн (1908—1998) — одна из самых известных американских военных корреспондентов. За свою 60-летнюю карьеру освещала практически все крупные мировые конфликты XX века. Ее именем названа премия в области журналистики. Геллхорн была третьей женой Эрнеста Хемингуэя (1940—1945). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий — часть континента; и если море смоеет утес, не станет ли меньше вся Европа, меньше — на каменную скалу, на поместье друзей, на твой собственный дом. Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол, он звонит и по тебе.

*Джон Донн**

* Цит. по: Джон Донн. По ком звонит колокол. М., Enigma, 2004. Составитель, переводчик и комментатор Антон Нестеров. Медитация XVIII, перевод Антона Нестерова.

Глава первая

Упершись подбородком в сложенные руки, он лежал на устилавшем землю мягком лесном ковре из бурой хвои, а высоко над его головой ветер раскачивал верхушки сосен. Там, где он лежал, склон был пологим, но дальше круто срывался вниз, и было видно, как по ущелью вьется черная лента битумной дороги. Вдоль дороги бежала речушка, и в дальнем конце ущелья на ее берегу виднелась лесопилка. Вода, переливавшаяся через запруду, казалась белой на палящем летнем солнце.

— Это лесопилка? — спросил он.

— Да.

— Я ее не помню.

— Ее построили после того, как ты здесь бывал. Старая лесопилка дальше, гораздо ниже по ущелью.

Он расстелил на земле фотокопию армейской карты и стал внимательно изучать ее. Старик заглядывал ему через плечо. Это был невысокого роста кряжистый старик в черной крестьянской рубахе, серых штанах из стоявшего колом грубого холста и поношенных чувяках* на веревочной подошве. Он еще не отдышался после крутого подъема и опирался

* Мягкая кожаная обувь.

рукой на один из двух тяжелых заплечных мешков, которые они тащили с собой.

— Значит, мост отсюда не виден.

— Нет, — ответил старик. — Это ровная часть ущелья, здесь течение медленное. Внизу, там, где дорога исчезает за деревьями, оно сразу обрывается вниз и получается узкая горловина...

— Я помню.

— Через эту горловину и перекинут мост.

— А где находятся их посты?

— Один там, у лесопилки, которую ты видишь.

Молодой человек, изучавший местность, достал складной бинокль из кармана вылинявшей фланелевой рубашки, протер линзы носовым платком, подкрутил окуляры так, чтобы очертания лесопилки стали четкими, и начал разглядывать деревянную скамейку рядом с дверью, огромную кучу опилок, громоздвущуюся за навесом, под которым стояла циркулярная пила, и часть желоба, по которому бревна спускали с горы, на другом берегу. Издали вода казалась гладкой и спокойной, но там, где, переливаясь через запруду, она водопадом обрушивалась вниз, закручиваясь бурунами, поднимались вихри брызг, которые разносил ветер.

— Часовых не видно.

— Дым из трубы идет, — сказал старик. — И белье на веревке развешано.

— Это-то я вижу, а вот часового — нет.

— Может, он прячется в тени, — предположил старик. — Там жарко. Наверное, ушел в тень на том конце, который нам не виден.

— Возможно. А где следующий пост?

— За мостом. В сторожке дорожного смотрителя, это километрах в пяти от верхнего конца ущелья.

— Сколько здесь человек? — Молодой указал на лесопилку.

— Человека четыре солдат и капрал.

— А там, ниже?

— Там больше. Я выясню.

— А у моста?

— Там всегда двое: по одному с каждого конца.

— Нам понадобятся люди, — сказал молодой. — Сколько ты можешь привести?

— Я могу привести столько, сколько тебе нужно, — ответил старик. — Здесь, в горах, теперь людей много.

— Насколько много?

— Больше сотни. Но они разбиты на мелкие отряды. Тебе сколько понадобится?

— Это я тебе скажу, когда мы осмотрим мост.

— Хочешь осмотреть его прямо сейчас?

— Нет. Сейчас мы пойдем туда, где можно спрятать до поры взрывчатку. Я хочу, чтобы она была укрыта очень надежно, но по возможности не далее чем в полчаса ходьбы от моста.

— Это нетрудно, — сказал старик. — Оттуда, куда мы идем, дорога к мосту будет идти под уклон. Но чтобы добраться туда, придется еще покарабкаться. Ты голодный?

— Да, — ответил молодой человек. — Но есть будем потом. Как тебя зовут? Я забыл. — Ему показалось дурным знаком то, что он забыл имя старика.

— Ансельмо, — ответил старик. — Меня зовут Ансельмо, я из Барко-де-Авилы. Давай помогу тебе с мешком.

Молодой человек, высокий и худой, с выбеленными солнцем русыми волосами и обветренным

загорелым лицом, в вылинявшей фланелевой рубашке, крестьянских штанах и чувяках на веревочной подошве, наклонился, продел руку под лямку кожного мешка и взвалил тяжесть на плечо. Потом просунул другую руку под другую лямку и поудобней устроил мешок на спине. Взмокшая от пота рубашка под мешком еще не высохла.

— Ничего, справлюсь, — сказал он. — Куда идти?

— Вверх, — ответил Ансельмо.

Сгибаясь под тяжестью мешков, потея, они карабкались вверх по склону, поросшему сосновым лесом. Молодой человек не различал никакой тропы под ногами, но они уверенно продвигались все выше, огибая склон, потом пересекли небольшой ручей, и старик ровным шагом пошел впереди вдоль его каменистого русла. Подъем становился все круче и трудней, пока они не добрались до того места, где ручей, перевалив через громоздившийся над ними гладкий гранитный уступ, срывался вниз; у подножия уступа старик остановился и подождал молодого.

— Ну, как ты?

— Нормально, — ответил молодой. Он истекал потом, и мышцы на бедрах подергивались после крутого подъема.

— Подожди здесь. Я пойду вперед и предупрежу их. Не хочешь же ты схлопотать пулю с таким грузом на спине.

— Страшно подумать, даже в шутку, — сказал молодой. — Это далеко?

— Нет, совсем близко. Как тебя зовут?

— Роберто, — ответил молодой. Он снял мешок и осторожно опустил его на землю между двумя валунами у ручья.

— Ну, жди здесь, Роберто, я за тобой вернусь.

— Хорошо, — сказал молодой человек. — Ты собираешься по этой дороге спускаться к мосту?

— Нет. Когда мы отправимся к мосту, это будет другая дорога. Короче и легче.

— Только этот материал нельзя хранить далеко от моста.

— Сам увидишь. Не понравится место — найдем другое.

— Ладно, посмотрим, — сказал молодой.

Усевшись возле мешков, он наблюдал, как старик взбирается на уступ. Казалось, он делает это без труда, и по тому, как он, не глядя, находил опору для рук, можно было догадаться, что путь этот он проделывал уже не раз. Тем не менее, кто бы ни находился там, наверху, эти люди тщательно позаботились о том, чтобы не оставить никаких следов.

Молодой человек, которого звали Роберт Джордан, был страшно голоден и озабочен. Голодным он бывал часто, но тревоги обычно не испытывал, поскольку не придавал никакого значения тому, что с ним случится, и по опыту знал, как легко в этой стране передвигаться в тылу врага. Передвигаться за линией фронта было так же просто, как пересекать ее, если иметь хорошего проводника. Мысли о том, что будет, если тебя поймают, лишь осложняли дело; они, да еще необходимость решать, кому можно доверять. Людям, с которыми работаешь, нужно либо доверять полностью, либо не доверять вовсе, и решение приходилось принимать самому. Сейчас он не беспокоился ни о том, ни о другом. Но было кое-что еще.

Этот Ансельмо был хорошим проводником и прекрасно ходил по горам. Роберт Джордан и сам

был достаточно вынослив, но, следуя за ним весь день — они вышли еще до рассвета, — убедился, что старик способен уходить его до смерти. Пока Роберт Джордан доверял этому человеку, Ансельмо, во всем, за исключением его суждений. Правда, до сих пор у него не было возможности проверить справедливость этих суждений, да и ответственность за принятие решений все равно лежала на нем самом. Нет, из-за Ансельмо он не беспокоился, и взрыв моста был задачей не сложнее, чем многие другие. Он мог взорвать любой мост, и уже взрывал их немало — разных размеров и конструкций. Взрывчатки и оборудования в двух мешках было достаточно, чтобы гарантированно взорвать и этот мост, даже если он окажется вдвое больше, чем говорит Ансельмо, чем самому ему помнится по тем временам, когда он переходил его по пути в Ла Гранху в 1933 году, и чем описывал его Гольц позапрошлым вечером в комнате на верхнем этаже дома в пригороде Эскориала.

— Взорвать мост ничего не стоит, — сказал тогда Гольц, указывая карандашом место на большой карте; свет от лампы падал на его бритую, иссеченную шрамами голову. — Понимаете?

— Да, понимаю.

— Абсолютно ничего. Но просто взорвать его равносильно провалу.

— Да, товарищ генерал.

— Взорвать мост в строго определенный момент, согласованный со временем, на которое назначено наступление, вот что требуется. Разумеется, вы это понимаете. Такова ваша задача, а как это будет сделано, решайте сами.

Гольц посмотрел на карандаш, потом постучал его кончиком по зубам.

Роберт Джордан молчал.

— Да, вы понимаете, что такова ваша задача, и сами решаете, как это будет сделано, — повторил Гольц, глядя на него и кивая. Теперь он постучал карандашом по карте. — Так бы распорядился я. Но это то, чего нам не дано.

— Почему, товарищ генерал?

— Почему? — сердито переспросил Гольц. — Сколько наступлений вы видели? И вы еще спрашиваете? Как можно гарантировать, что мои приказы не будут изменены? Как можно гарантировать, что наступление не отменят? Как можно гарантировать, что его не отложат? Как можно гарантировать, что оно начнется хотя бы не позднее, чем через шесть часов после назначенного срока? Разве хоть *одно* наступление когда-нибудь проходило так, как было запланировано?

— Раз это ваше наступление, оно начнется вовремя, — сказал Роберт Джордан.

— Ни одно наступление не является моим, — возразил Гольц. — Я провожу наступления. Но они не бывают моими. Артиллерия мне не подчиняется, я вынужден просить ее поддержки, а мне никогда не давали того, что я просил, даже когда тому не было никаких препятствий. И это еще полбеды. Есть и другое. Вы знаете, каковы эти люди. Нет необходимости вдаваться в подробности. Всегда может возникнуть что-то непредвиденное. Всегда кто-то вмешается. Надеюсь, теперь вам понятно.

— Так когда все-таки должен быть взорван мост? — спросил Роберт Джордан.

— После того как начнется наступление. Как только оно начнется, но ни в коем случае не раньше. Чтобы подкрепление не могло подойти к противнику по этой дороге. — Он наставил карандаш на Роберта Джордана. — Я должен знать, что по этой дороге мышь не проскочит.

— А на когда назначено наступление?

— Я вам сообщу. Но вы должны воспринимать дату и час только как приблизительное указание. К этому времени вы должны быть готовы. А взорвете мост после того, как наступление действительно начнется. Вам ясно? — Он снова наставил на него карандаш. — Это единственная дорога, по которой к ним может подойти подкрепление. Это единственная дорога, по которой они могут подтянуть танки, артиллерию или даже грузовики к ущелью, где я начну наступать. В этот момент мне нужно будет знать, что моста нет. Но не раньше — чтобы они не успели восстановить его, если наступление перенесут. Нет. Мост должен рухнуть в тот момент, когда наступление начнется, и я должен быть в этом уверен. Там всего два часовых. Человек, который пойдет с вами, только что вернулся оттуда. Говорят, что это очень надежный человек. Увидите сами. У него в горах есть люди. Привлекайте столько людей, сколько вам потребуется: не слишком много, но достаточно. Впрочем, вас учить нет нужды.

— А как я узнаю, что наступление началось?

— Наступать будет целая дивизия. Предварительно начнется бомбардировка с воздуха. Вы ведь глухой не страдаете, правда?

— Значит, когда самолеты начнут сбрасывать бомбы, можно считать, что наступление началось?

— Так бывает не всегда, — заметил Гольц, качая головой, — но в данном случае можете так считать. Наступать буду я.

— Понятно, — произнес Роберт Джордан. — Не сказать, что мне это очень нравится.

— Мне это тоже не очень нравится. Если хотите отказаться, говорите сейчас. Если сомневаетесь, что справитесь, говорите сейчас.

— Я сделаю, — ответил Роберт Джордан. — И сделаю все как требуется.

— Все, что мне нужно знать, — повторил Гольц, — что через мост никто не пройдет. Что дорога отрезана.

— Ясно.

— Я не люблю обращаться с подобными просьбами и ставить людей в подобное положение, — продолжил Гольц. — Я не могу приказать вам выполнить такое задание, поскольку понимаю, к чему могут вынудить вас поставленные мною условия. И объясняя все так тщательно для того, чтобы убедиться, что вы все поняли и осознали все возможные трудности и всю важность этого дела.

— А как вы сами пройдете на Ла Гранху, если мост будет взорван?

— Мы возьмем с собой все необходимое, чтобы восстановить мост сразу после того, как овладеем ущельем. Операция, как всегда, сложная, но красивая. План разработан в Мадриде. Очередной шедевр Висенте Рохо, неудавшегося профессора. Я наступаю, и наступаю, как всегда, не располагая достаточными силами. Тем не менее операция небезнадежна. Я испытываю в связи с ней большую уверенность, чем обычно. Она может оказаться успешной

при условии, что мост будет взорван вовремя. Тогда мы сумеем взять Сеговию. Вот смотрите, я вам покажу. Видите: мы начнем наступление не со входа в ущелье, оно уже наше, а гораздо дальше... вот здесь...

— Я бы предпочел не знать, — перебил его Роберт Джордан.

— Ладно, — согласился Гольц. — Когда идешь в тыл противника, лучше не обременять себя лишним знанием, правильно?

— Я всегда предпочитаю не знать. Тогда, независимо от того, что случится, выдал — не я.

— Да, лучше не знать, — сказал Гольц, водя карандашом по лбу. — Сколько раз я оказывался в ситуации, когда говорил себе: лучше бы я этого не знал. Но то единственное, что вам следовало понять насчет моста, вы поняли?

— Да. Понял.

— Не сомневаюсь, что поняли, — сказал Гольц. — Не стану произносить напутственных речей. Давайте просто выпьем. После долгих разговоров меня всегда мучает жажда, товарищ Хордан. Ваше имя забавно звучит по-испански — товарищ Хордан.

— А как по-испански произносится Гольц, товарищ генерал?

— Хоце, — ухмыльнулся Гольц, горловое «х» он произнес с хрипотцой, оно напоминало простудное покашливание. — Хоце, — ворчливо повторил он. — Товарищ хенераль Х-хоце. Знал бы, как произносится Гольц по-испански, придумал бы себе имечко получше, прежде чем отправиться сюда воевать. Подумать только: ехал командовать дивизией, мог выбрать любое имя, какое захотел бы, — и выбрал

Хоце. Хенераль Хоце. Но теперь уже поздно менять. Как вам нравится *партизанить*? — Это было русское слово, означавшее диверсионную работу в тылу врага.

— Очень нравится, — ответил Роберт Джордан, усмехнувшись. — Все время на свежем воздухе.

— Мне в вашем возрасте тоже очень нравилось, — признался Гольц. — Говорят, вы мастерски взрываете мосты. Очень научно. Но это только слухи. Я сам никогда не видел вас в работе. Может, на самом деле все не так? Вы и впрямь их взрываете? — поддразнил он. — Выпейте. — Он протянул Роберту Джордану стакан испанского бренди. — Так вы их *действительно* взрываете?

— Иногда.

— С *этим* мостом никакого «иногда» быть не должно. Ладно, не будем больше об этом. Вы уже и так все поняли. Мы поговорили очень серьезно, так что теперь можем позволить себе и пошутить. Признайтесь-ка, много ли у вас девушек по ту сторону фронта?

— Нет, на девушек времени не хватает.

— Вот это вы зря. Чем менее регламентирована служба, тем менее регламентирована жизнь, а у вас служба совсем не регламентированная. Вот только постричься бы вам не мешало.

— Я стригусь по мере необходимости, — сказал Роберт Джордан. Он бы проклял все на свете, если бы ему пришлось побриться наголо «под Гольца». — У меня и кроме девушек забот хватает, — сердито добавил он. — Какую форму мне надеть?

— Никакой, — ответил Гольц. — И с прической у вас все в порядке. Я просто поддразнил вас. Мы с